

УДК 811.112.2'373.72

10.18384/2310-712X-2015-5-92-99

Коротких Т.А.*Московский государственный областной гуманитарный институт***НЕМЕЦКИЕ ПОГОВОРКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Аннотация. В статье излагаются результаты этимологического и лингвистического анализа крылатых выражений из произведений Ф. Шиллера, отвечающих основным признакам поговорки. Рассматривая разные подходы к понятию «поговорка», автор предлагает своё определение этого термина. Проводится структурно-семантический анализ устойчивых фраз поговорочного типа, восходящих к крылатым выражениям Шиллера. Выясняются факторы идиоматичности немецких поговорок литературного происхождения. Впервые установлено точное число крылатых выражений Шиллера, пополнивших собой золотой фонд поговорок немецкого литературного языка: 270 единиц.

Ключевые слова: Ф. Шиллер, крылатые выражения, устойчивые фразы, пословица, поговорка, факторы идиоматичности поговорок.

T. Korotkikh*Moscow State Regional Institute of Humanities***GERMAN SAYINGS OF LITERARY ORIGIN**

Abstract. The article presents the results of etymological and linguistic analysis of 'winged words' which have basic characteristics of popular sayings used in Friedrich Schiller's works. The author examines the different approaches to the concept of "saying" and proposes his definition of this term. The article gives the structural-semantic analysis of set phrases of sayings type, dating back to the works of Schiller. The factors of idiomaticity for German sayings of literary origin are identified. For the first time the total number of 'winged words' of Friedrich Schiller, which have contributed to the golden fund of German literary language sayings, is defined: according to the author's estimates there are 270 units.

Key words: Friedrich Schiller, winged words, set phrases, proverb, saying, factors of idiomaticity of sayings.

Пословицы и поговорки представляют собой важную часть фразеологического состава языка, поэтому их лингвистическое изучение является весьма актуальной задачей современного языкознания. Знание пословично-поговорочного фонда как выражения многовекового опыта народа является неременным условием

успешного диалога партнёров по межкультурной коммуникации.

Пословицы и поговорки немецкого народа всегда вызывали большой интерес у исследователей и подвергались на протяжении столетий широкой письменной фиксации [16; 20; 19; 4; 11; 7]. Следует отметить, однако, недостаточную научную систематизацию в отборе языкового материала и

отсутствие единого принципа в подаче сведений о происхождении оборотов.

Между понятиями «пословица» и «поговорка» часто не проводится чёткого разграничения. Если для **пословицы** (нем. **Spruchwort**) существует ставшее классическим определение Ф. Зейлера, согласно которому к пословицам относятся «употребительные в народе изречения с законченной мыслью, имеющие поучительную направленность и образную форму» [17, S. 2], то для **поговорки** (нем. **sprichwörtliche Redensart**) не существует чёткого и однозначного понимания. В немецкой лингвистической литературе находит широкое распространение формально-грамматическая точка зрения, согласно которой пословица является законченным предложением, а поговорка – только частью предложения, его «строительным материалом»: под термином "sprichwörtliche Redensarten" традиционно понимают не только некоторые экспрессивные фразы с отсутствием поучительной направленности (например, *Wer's glaubt, wird selig* (разг. фам.: *блажен, кто верует*)), но и идиоматичные обороты в форме словосочетания (например, *Öl ins Feuer gießen* (*подливать масла в огонь*)) [20, Bd. I, S. X; 17, S. 2, 11; 4, S. 9-17; 11, S. 10].

Однако в таком случае понятие «поговорка», под которое подводятся разные структурно-семантические типы устойчивых сочетаний слов, оказывается расплывчатым и неопределённым. Поэтому в настоящей работе разграничение пословиц и поговорок проводится с точки зрения их коммуникативно-семантических характеристик: будучи в структурном отношении устойчивыми фразами (УФ), они

различаются, соответственно, наличием / отсутствием обобщающего смысла либо дидактической направленности. Подобное понимание поговорки как фразы (ср. нем. *Satzredensart*), с теми или иными уточнениями, встречается также в работах А.Д. Райхштейна [3, с. 73] и И.И. Чернышевой [6, S. 192].

Пословицы и поговорки традиционно относятся к устному народному творчеству (фольклору). Обращение к этимологии немецких пословиц и поговорок, однако, показывает, что определённая часть их имеет не фольклорное, а литературное происхождение. Как правило, это афоризмы, сентенции и другие крылатые выражения (КВ) из произведений писателей, принятые народом в своё языковое употребление. В некоторых случаях такие КВ настолько прочно укоренились в немецком языке, что их авторство совершенно забыто, и лишь углублённый этимологический анализ может дать сведения о литературном источнике происхождения той или иной пословицы или поговорки.

В этом отношении особый интерес представляет творчество классика немецкой литературы второй половины XVIII столетия Ф. Шиллера. Его произведения содержат богатую сокровищницу крылатых выражений, многие из которых не утратили популярности и в настоящее время, о чём свидетельствует, в частности, факт их инвентаризации в новейших изданиях сборника Г. Бюхманна «Крылатые слова» [5] и в других современных лексикографических источниках подобного типа [10; 8]. В предисловии к «Малому словарю цитат Шиллера», вышедшему в Германии в 2004 году, говорится: «Классик Фридрих Шиллер нам ближе,

чем мы думаем. Его «крылатые слова» влетели прямо в наш язык и поселились там... Слова Шиллера вездесущи, но мы более не связываем их с ним как с автором <...> Едва ли кто-либо сегодня осознаёт, как много пословиц и поговорок восходят к драматургу, поэту и мыслителю Фридриху Шиллеру» [14, S. 3].

Данное обстоятельство побудило нас обратиться к изучению языка и стиля Ф. Шиллера и предпринять лингвистический анализ фразеологического наследия великого немецкого писателя. В результате проведённого исследования выяснилось, что преобладающим типом фразеологизмов, восходящих к КВ Шиллера, являются устойчивые фразы пословичного и поговорочного типа. Установлено также общее число КВ Шиллера, пополнивших собой пословичный фонд немецкого языка – 120 единиц [2].

Между тем количество УФ поговорочного типа в исследуемом материале значительно превышает число пословичных УФ. В этой связи представляется интересным провести также лингвистический анализ поговорок литературного происхождения – с точки зрения их совпадения со структурно-семантическими типами этого разряда немецких фразеологизмов, а также в плане их функционирования в современной немецкой речи, и определить их удельный вес в общем составе фразеологического наследия Ф. Шиллера, что и является основной целью настоящей статьи. Поговорки немецкого языка, имеющие своим источником произведения Шиллера, впервые являются предметом специального исследования, в чём заключается актуальность и новизна предлагаемой работы.

Итак, к поговоркам относятся общедно-разговорные устойчивые фразы непословичного типа, которые не имеют обобщающего и / или дидактического содержания, выражают только частный смысл и применимы к единичным, конкретным (хотя и типичным) ситуациям. На данную конкретную ситуацию обычно указывает какое-то слово в составе поговорки (местоимение или наречие): *Auch ich war in Arkadien geboren* («Отречение») – *И я в Аркадии родился* (т.е. и я когда-то был счастлив) [1, с. 40]; *Der ist besorgt und aufgehoben* («Хождение на железный завод») – *Ему и сыто и тепло; он там (или тут) в заботливых руках* [1, с. 78]; *Hier vollend' ich's* («Вильгельм Телль») – *И здесь я всё свершу* (выражает твёрдую решимость сделать что-либо) [1, с. 599]; *(Und) die Gewohnheit nennt er seine Amte* («Смерть Валленштейна») – *Привычка – его кормилица*; ср. рус. ≈ *привычка – вторая натура*. По данным «Немецко-русского фразеологического словаря» Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина, указанное выражение «вошло в поговорку» [1, с. 222–223]. По наличию подобных слов-конкретизаторов в составе поговорки в большинстве случаев без особого труда можно отличить поговорку от близкой по структуре пословицы.

В структурно-семантическом плане немецкие поговорки представляют собой весьма пёструю картину, отличаясь повышенной экспрессивностью и разнообразием синтаксических структур, что несколько затрудняет их классификацию. Тем не менее по функционально-смысловым особенностям можно выделить две основные группы поговорок: 1) характеризующие поговорки, в которых предметно-логиче-

ское, объективное начало выступает на передний план и которые способны выражать логически развёрнутую мысль; 2) эмоционально-модальные поговорки, выражающие различные эмоции [3, с. 76–80].

Подавляющее большинство поговорочных УФ, восходящих к КВ Шиллера, относится к первой группе. По своей грамматической структуре характеризующие поговорки литературного происхождения, как и остальные поговорки немецкого языка, подразделяются на повествовательные, вопросительные и побудительные.

Повествовательные поговорки выражают некоторое частное суждение о предмете или явлении и могут применяться в каких-либо конкретных ситуациях. Так, например, опоздавшему человеку можно заметить: *Spät kommt Ihr, doch Ihr kommt* («Пикколомини») – *Хотя и поздно, но вы всё-таки пришли* [1, с. 522]; ср.: "Sie läuft hastig und achtet nicht der kleinen Pfützen. Fast eine Stunde Verspätung... Anna ging ins Sprechzimmer. "Spät kommt Ihr, doch Ihr kommt", sagte Dr. Wohlgemuht..." (L. Feuchtwanger. Exil). Стремясь выяснить суть долгих и непонятных речей, можно употребить поговорку (*Herr*), *dunkel war der Rede Sinn* («Хождение на железный завод») – *Туманным смыслом был ваших слов* [1, с. 455]. Поговорку *Du bist blass, Luise* («Коварство и любовь») – *А ты бледна, Луиза* шутливо произносятся, отмечая чью-либо бледность [1, с. 87]. Отказываясь принять чью-либо благодарность, можно употребить поговорку *Den Dank, Dame, begehrt ich nicht* («Перчатка») – *Не требую награды* [1, с. 119]. При желании прекратить какое-либо неприятное дело или разговор применима поговорка

Lass(t), Vater, genug sein das grausame Spiel! («Кубок») – *Довольно, родитель, прекрати эту ужасную игру!* [1, с. 524], функционирующая также в вариативной форме: *Genug des grausamen Spiels!* [1, с. 524]. Своё желание присоединиться к двум другим людям (друзьям, коллегам) можно выразить фразой-поговоркой *Ich sei, gewährt mir die Bitte, in eurem Bunde der Dritte* («Порука») – *А я, коль согласитесь с этим, в союзе вашем буду третьим* (т.е. присоединюсь к вам как ваш друг) [1, с. 112]. В более-менее строго очерченных ситуациях применяются также следующие поговорки: *Wenn gute Reden sie begleiten, dann fließt die Arbeit munter fort* («Песнь о колоколе») – *Ведь, сдобренный разумным словом, живей и радостнее труд* [1, с. 40] (может употребляться в шутку, когда много разговаривают во время работы); *Johanna geht, und nimmer kehrt sie wieder* («Орлеанская дева») – *Уходит Иоанна и больше не вернётся* (шутливо говорится при прощании) [1, с. 309]. Нетрудно заметить, что поговорочные УФ, происходящие из литературного источника, сегодня активно применяются в шутливой речи: употребление крылатых фраз в обиходно-разговорной речи в ситуациях, нарочито «приземлённых» по сравнению с их первоначальным возвышенным содержанием, сознательно рассчитано на комический или иронический эффект.

Повествовательные поговорки, к которым относится подавляющее большинство рассматриваемых единиц, в структурном отношении представляют собой простые и сложные предложения, при этом число простых в два раза превышает число сложных предложений. Наличие поговорочных УФ в форме сложного (сложносочи-

нённого и – чаще – сложноподчинённого) предложения объясняется их происхождением из литературного источника: *Der Wahn ist kurz, die Reu' ist lang* («Песнь о колоколе»); *Es lächelt der See, er ladet zum Bade* («Вильгельм Телль»); *Wenn der Purpur / Mantel fällt, muss auch der Herzog nach* («Заговор Фиеско в Генуе»); *Wie er (sich) räuspert und wie er spuckt, das habt ihr ihm glücklich abgeguckt* («Лагерь Валленштейна»).

Среди подобных многокомпонентных УФ, однако, наблюдается тенденция к сокращению своего состава за счёт создания количественных вариантов: «компонент / нуль компонента». Так, например, КВ из пьесы Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» *Der Mohr hat seine Arbeit / Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen* – *Мавр сделал своё дело, мавр может уходить*, употребляемое ныне в обобщённо-метафорическом значении по отношению к человеку, в услугах которого более не нуждаются [1, с. 399; 5, S. 5], получило способность выражать фразеологическое значение первой частью своего компонентного состава: *Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan* [8, S. 11].

Для поговорочных УФ в форме простого предложения характерным является наличие таких фраз, которые создают впечатление некоторой незавершённости: *Und / sie teilte jedem eine Gabe; Und sieht sich stumm ringsum; Raum ist in der kleinsten Hütte; Es gibt im Menschenleben Augenblicke...* Структурная и смысловая незавершённость в ещё большей мере присуща таким УФ, которые выступают в форме придаточного предложения: *Wem der große Wurf gelungen; Und wie er winkt mit dem Finger; Wenn die Glock' soll auferstehen; Was da kreucht und flucht*. Эти УФ могут

употребляться как в составе сложного предложения, так и функционировать в речи в качестве самостоятельных единиц общения (в таком случае их употребление рассчитано на смысловую незавершённость, «недоговорённость»).

Повествовательные поговорки, вследствие повышенной экспрессивности, могут также произноситься с восклицательной интонацией: *Ach, was haben die Herrn doch für ein kurzes Gedärm!*; *Ach, vielleicht, indem wir hoffen, hat uns Unheil schon getroffen!*; *(Königin!) O Gott, das Leben ist doch schön!*; *Ach! es war nicht meine Wahl!* Тем не менее подобные УФ относятся к группе повествовательных поговорок, поскольку выражают частное суждение и не имеют побудительного смысла.

Собственно вопросительных поговорок, т.е. требующих ответа на вопрос, в исследуемом материале не так много. Например, в современном немецком языке существует обиходно-разговорная поговорка-присказка *Was tun? spricht Zeus* – *Что делать?* – *вопрошает Зевс*, происходящая из стихотворения Шиллера «Раздел земли» и употребляемая ныне по отношению к любой затруднительной ситуации в значении «как теперь быть?» [1, с. 640; 9, S. 19] (ср. рус. ≈ *что нам делать, как нам быть?*). Из пьес Шиллера «Пикколомини» и «Орлеанская дева» происходят, соответственно, вопросительные поговорки *Was ist der langen Rede kurzer Sinn?* – *В чём вкратце смысл сей длинной речи?* [1, с. 455] и *Von wannen kommt dir diese Wissenschaft?* – *Откуда эти знания у тебя?* [1, с. 627] (употребляется в значении: откуда ты это знаешь?). Многие другие поговорки, восходя-

щие к КВ Шиллера, являясь вопросительными по форме, фактически не содержат вопроса. Например, УФ из стихотворения Шиллера «К Минне» *Meine Minna geht vorüber? Meine Minna kennt mich nicht?* – Минна, ты проходишь мимо? ты не узнаёшь меня? употребляется просто как шутливое или ироничное обращение к знакомому человеку, проходящему мимо без приветствия. Крылатая фраза из «Орлеанской девы» *Kann ich Armeen aus der Erde stampfen? Wächst mir ein Kornfeld in der flachen Hand?* – Могу ль родить вам войско из земли? В моей руке созреет ли вам жатва? употребляется в значении «откуда я вам это возьму?» [1, с. 41], т.е. эта поговорка в эмоционально-образной форме выражает невозможность для говорящего достать что-либо. Поговорка из пьесы Шиллера «Вильгельм Телль» *Siehst du den Hut dort auf der Stange?* – Ты видишь ту шляпу на шесте? служит для метафорического обозначения «длинной, как жердь, дамы в шляпе» [13, Bd. II, S. 273]. Интересно отметить, что даже собственно вопросительная поговорка *Was tun, spricht Zeus* начинает приобретать значение констатации затруднительности или безвыходности положения, ср.: "Da kommen wir nicht rüber", sagte Krüger. Schnurrbart nickte. "Ausgeschlossen! Was tun, sprach Zeus!" Sie schwiegen ratlos" (W. Heinrich. Das geduldige Fleisch.) Ещё одна вопросительная поговорка из «Орлеанской девы» *Wie kommt mir solcher Glanz in meine Hütte?* – Моей ли хижине такая честь?, выражавшая уже в первичном контексте скорее удивление, чем вопрос, употребляется в современном немецком языке как шутливое или ироническое приветствие при нежиз-

данном появлении редкого гостя [18, f. 23, p. 1059; 1, с. 223], приближаясь, следовательно, к типу эмоционально-модальных поговорок. Характерно, что вариативной формой употребления данной поговорки является форма восклицательного предложения: *Welcher Glanz kommt da in meine Hütte!* [13, Bd. II, S. 123] или *Welcher Glanz in meiner Hütte!* [15, Bd. I, S. 328].

Побудительные поговорки представляют собой глагольные повелительные предложения (простые и сложные): *Trink ihn aus, den Trank der Label!*; *Drum prüfe, wer sich ewig bindet, ob sich das Herz zum Herzen findet!* Встречаются также безглагольные предложения: *Männerstolz vor Königsthronen!* Характерной особенностью побудительных поговорок литературного происхождения является наличие в их составе обращения, выраженного именем существительным или – реже – именем собственным: *Kardinal! ich habe das Meinige getan; tun Sie das Ihre!*; *Max, bleibe bei mir!*; *Mach deine Rechnung mit dem Himmel, Vogt!* В некоторых случаях обращение имеет факультативное употребление: (Sire,) *geben Sie Gedankenfreiheit!*

Все рассмотренные выше группы поговорочных УФ, восходящих к КВ Шиллера, относятся к общему типу характеризующих поговорок. В исследуемом материале встречается также незначительное количество поговорочных УФ эмоционально-модального типа. Самым известным является междометно-модальный оборот *Donner und Doria!* (букв.: гром и Дориа!), происходящий из пьесы Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» и выражающий (неприятное) изумление, возмущение, недовольство: «разг. фам.: гром и мол-

ния!, чёрт поberi!» [1, с. 127]; также: *Tausend Donner und Doria!* [13, Bd. 1, S. 133], ср. рус. ≈ *Тысяча чертей!*

Основной чертой семантики поговорок является их идиоматичность: они выражают то или иное частное суждение не прямо, а обиняком, с каким-либо отклонением от компонентного значения фразы. В основе идиоматичности могут лежать разные факторы. Так, большинство рассматриваемых единиц характеризуется образно-метафорическим переосмыслением своего компонентного состава, например: *Das Auge des Gesetzes wacht* («Песнь о колоколе») – *не дремлет закона око* (т.е. *полиция*) [1, с. 47]; *Was da kreucht und fleucht* («Вильгельм Телль») – *всё, что ползает и летает* (т.е. *всякая живность*) [1, с. 349].

Другим фактором идиоматичности в поговорках является ироническое переосмысление. Так, побудительная по форме УФ *Lehre du mich die / diese Leute kennen!* (букв.: *научи меня знать этих людей!*), восходящая к КВ из «Пикколомини» *Lehre du mich meine Leute kennen*, употребляется в значении «Я знаю этих людей лучше, чем ты, можешь ничего мне не говорить!» [9, S. 392], т. е., по сути дела, имеет смысл, противоположный тому, который можно вывести из её компонентного значения. Только ирония лежит также в основе переносного значения фразеологизма *Du red(e)st, wie du's verstehst* (букв.: *ты говоришь, как понимаешь*), восходящего к КВ из того же произведения, который выступает в значении «Ты ничего не смыслишь в этом деле» [9, S. 700], ср.: "Das Menuett drei Töne höher zu spielen, ist doch gar nicht so schwierig". – "Du redest, wie du's verstehst. Kannst du etwa flöten?" [9, S. 700].

В основе переносного значения поговорок литературного происхождения может лежать гипербола: *Alles rennet, rettet, flüchtet* – *Всё бежит, ищет спасенья* («Песнь о колоколе»); *Ich fühle eine Armee in meiner Faust* – *Теперь я чувствую у себя в кулаке целую армию!* (слова Карла Моора из пьесы Шиллера «Разбойники»), употребляется в значении: «теперь я чувствую в себе огромную силу» [1, с. 41]; *Wo alles liebt, kann Karl allein nicht hassen* – *Раз любят все, то Карл один не может ненавидеть* («Дон Карлос») – говорится, когда кто-либо присоединяется к мнению большинства [1, с. 373]. Гиперболизация как заведомое преувеличение всегда связана с повышением выразительности поговорки.

Итак, в результате проведённого исследования было установлено, что к КВ Шиллера восходят 210 повествовательных поговорок, 33 побудительных, 23 вопросительных и 4 эмоционально-модальных поговорок немецкого языка. Общее число поговорок из произведений Шиллера составляет 270 единиц.

Благодаря стилистическому мастерству и народности языка своих произведений Ф. Шиллеру удалось создать такие крылатые выражения, которые вошли в золотой фонд фразеологии немецкого литературного языка [12]. Многие из них, а именно 270 единиц, по своей структурно-семантической организации, по выразительным средствам и по употреблению в современном немецком языке совпадают с народными поговорками и, следовательно, в значительной степени обогащают поговорочный фонд немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
2. Коротких Т.А. Крылатые выражения Ф. Шиллера как источник немецких пословиц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГПУ, 2015. № 5 (100). С. 223–230.
3. Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы. Л.: Просвещение, 1971. 184 с.
4. Borchardt-Wustmann-Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund, nach Sinn und Ursprung erläutert. 7. Auflage, neu bearbeitet von Dr. A. Schirmer. Leipzig: VEB F. A. Brockhaus Verlag, 1955. 539 S.
5. Büchmann G. Geflügelte Worte: Der Zitatenschatz des Deutschen Volks. Norderstedt: Vero Verlag, 2013. 292 S.
6. Černyševa I. I. Phraseologie // Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M.: Academia, 2003. S. 176–232.
7. DUDEN. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2008. Bd. 11, hrsg. von der Dudenredaktion. 960 S.
8. DUDEN. Zitate und Aussprüche: Herkunft und aktueller Gebrauch. 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2008. Bd. 12, hrsg. von der Dudenredaktion. 960 S.
9. Friederich W. Moderne deutsche Idiomatik: Systematisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. München: Max Hueber Verlag, 1966. 824 S.
10. Geflügelte Worte: Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang / K. Böttcher [u.a.]. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. 780 S.
11. Graf A. E. 6000 deutsche und russische Sprichwörter. 2-e Auflage. Halle (Saale): M. Niemeyer, 1958. 297 S.
12. Korotkikh T. A. Preconditions for the transition of individual expressions of Friedrich Schiller into the category of winged words. // The Sixth European Conference on Languages, Literature and Linguistics. 26th April, 2015. “East-West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria. Vienna, 2015. P. 24–29.
13. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 4. Auflage. Hamburg: Claassen Verlag, 1965-1966. Bd. I-II. 829 S.
14. Prossliner J. Kleines Lexikon der Schiller-Zitate. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. 256 S.
15. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 3. Auflage. Freiburg – Basel – Wien: Verlag Herder, 1974. Bd. I-II. 1255 S.
16. Schellhorn A. Teutsche Sprichwörter, sprichwörtliche Redensarten und Denksprüche. Nürnberg: in der Steinischen Buchhandlung, 1797. 159 S.
17. Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde. München: Beck, 1922. 457 S.
18. Spalding K., Brooke K. An Historical Dictionary of German Figurative Usage. Oxford: Basil Blackwell, 1952–1991. Fascicles 1–50. 2392 p.
19. Wächter O. Altes Gold in Deutschen Sprichwörtern. Stuttgart: Spemann, 1883. 216 S.
20. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Leipzig: Brockhaus, 1867-1880. Bd. I-Y. 9254 Sp.